

«ВЕПССКИЙ СЛЕД» В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИОНЕЖЬЯ

Юго-восточное Прионежье — нередко так называют территорию водосборного бассейна Онежского озера в пределах нынешнего Вытегорского района Вологодской области. Эти земли до прихода сюда русских были населены вепсами, а еще ранее — саамами.

Первая волна древних вепсов проникла в Вытегорию из Белозерья еще в IX веке¹, волна из юго-восточного Приладожья достигла этих мест только в X веке². В обоих случаях вепсы явились сюда как промысловые охотники. В более поздние века изменилась система хозяйствования: охота стала сочетаться с элементами огневого подсечного земледелия.

К оседлости древневепское население Вытегории перешло не сразу. Пока сохранялся ценный пушной зверь (бобр, европейский соболь и куница), люди жили неподалеку от мест промысла, где и расчищали маленькие подсечные участки. К пашенному трехпольному земледелию, связанному с освоением наиболее плодородных участков долин в среднем и нижнем течении рек, древние вепсы перешли еще до появления в Вытегории русских крестьян-колонистов. Именно там, в долинах рек, В. В. Пименов отметил наибольшую концентрацию вепсской топонимии Вытегорья и Пудожья³. Об этом же свидетельствует и достаточно длинный список связанных с земледелием вепсских гидронимов, приведенных в статье А. В. Кузнецова⁴.

Дальнейшая судьба вепсов в юго-восточном Прионежье, как и переселявшихся сюда карел, а также саамов, доживших до появления русских колонистов, — это сосуществование, культурный и языковой взаимообмен, завершившийся для неславянского этнического компонента переходом на русский язык через стадию так называемого «билингвизма», когда какое-то время люди одновременно использовали родной и русский языки. Этническая и языковая ассимиляция происходила неравномерно. В Шильдской и Ухотской волостях Вытегорского уезда, пограничных с Каргопольем, а также в Исаевской волости к югу от Вытегры финские исследователи Э. Лёнрот и А. Кастрен обнаруживали вепсов еще в XIX веке (соответственно в 1842 и 1887 гг.). По-вепски говорили также жители деревень по берегам озера Анциферовского и одной из самых больших рек южной Вытегории — Индоманки⁵. «Списки населенных мест Олонецкой губернии по данным за 1869 год»⁶ фиксируют вепсов и «обрусевшую чудь» в поселениях, охватывающих полу-

кольцом территорию, которую мы обозначили как юго-восточное Прионежье. На берегах рек, впадающих в Онежское озеро, где русские поселились раньше, процесс смены языка и этнического самосознания у местных прибалто-финнов к XIX веку уже завершился.

На основании того, что «переводные названия, характерные для периода билингвизма ... в “Переписных книгах Обонежской пятины” за 1497 и 1563 годы почти не встречаются»⁷, до последнего времени считалось, что процесс обрусения завершился в Заонежье и восточном Обонежье в основном к середине XVI века, а на Водлозере — в XVII веке⁸. Группа архитекторов из состава комплексной экспедиции в Вытегорский район в октябре 1997 года обнаружила факты, которые позволяют отнести время ассимиляции вепсов на данной территории к еще более позднему периоду. Этнографические записи, сделанные автором данной статьи в экспедиции, не уточняют сроков ассимиляции вепсов, однако позволяют выделить весьма внушительный пласт вепских элементов в крестьянской народной культуре края. Нашей экспедицией была обследована⁹ северная часть современного Вытегорского района в пределах бывших Саминского, Андомского, Андоморецкого, Андомогорского и Тудозерского сельских советов (т. е. территория Андомского района по административному делению до 1956 г.), поэтому все приведенные ниже факты касаются только этой территории.

Район исследований был избран не случайно. Удаленный от бывшей Мариинской водной системы и Архангельского и Санкт-Петербургского трактов, он редко привлекал внимание дореволюционных исследователей и корреспондентов «Олонецких губернских ведомостей». До наших дней дошли только те сведения, которые запрашивали Вытегорское земство и Олонецкий статистический комитет в связи с подготовкой к печати ежегодных отчетов и отдельных статистико-экономических сборников по рыболовству, скотоводству, народным ремеслам и промыслам, крестьянской добывающей промышленности¹⁰. Редкие этнографические зарисовки по северной Вытегории (Н. А. Озерецковского, И. С. Полякова и Е. В. Барсова¹¹) оказались довольно скудными. Единственное этнографическое описание группы местных деревень, а именно Куржаксы, в «Олонецких губернских ведомостях»¹² немногословно. Однако оно содержит материалы, посвященные как раз той области народной культуры, в которой вепские элементы проявляются чаще всего.

В основном речь пойдет о похоронно-поминальных обычаях и обрядах. Не по-русски проходил в Куржаксе в конце XIX века обряд поминовения умерших домашней трапезой: присутствующие, *скрестив руки на груди* (выделено нами. — К. Л.), в полном молчании, не шелохнувшись, сидели поодаль от накрытого яствами стола с придвинутыми к нему, не занятыми никем лавками, пока, по их мнению, незримо присутствующие предки вдоволь не наедятся. Приглашение умерших в дом к столу и

домашней трапезе для русских не характерно, но для карел и вепсов — вполне обычная норма. О вепсском происхождении обряда свидетельствует также специфика обереговой позы, а именно — скрещенные на груди руки. Косой крест в качестве оберега от нечистой силы широко бытовал у средних вепсов, а также южных карел, тогда как у русских обычно применялся прямой крест.

Исключение из правила — это широкое бытование у русских скрещивания под столом ног (пальцев рук) женихом и невестой во время свадебного застолья. Возможно, из вепсской этнической среды эти обереговые позы проникли в свадебную обрядность русских Заонежья и восточного Обонежья.

С вепсским прошлым края надо, наверное, связывать и детские игры с использованием символики косого креста. В районе Вытегры и Андомы еще в 1960-х годах в качестве средства для кратковременного выбытия из состава играющих в «колдунов» или «казаков-разбойников» достаточно было замереть на одной ноге, скрестив руки на груди. В лапте такое действие сопровождалось заговорной формулой: «Без рук, без ног, без головы, без костяной ноги!». Здесь мы имеем дело скорее всего с переходом из сферы ритуального, сакрального и магического в сферу развлекательного, а конкретно — с использованием в детской среде былой традиции временной маскировки под покойника.

В упомянутом этнографическом очерке содержится указание на то, что жители Куржаксы ходили поминать «своих» на кладбища каждое воскресенье. Обычай этот для русских совсем не характерен, но находит аналогии в деревнях южных и средних вепсов, при которых имеются кладбища. Указание публикации прояснило необычность экспедиционной записи о том, что выходцы из Куржаксы никогда не ходили поминать покойных в Дмитриевскую родительскую субботу, считавшуюся в русском православии второй по значимости среди всех родительских суббот, в которую поминали предков все, кто только способен был дойти до кладбища.

В поминальной обрядности северной Вытегории сохранились до настоящего времени еще несколько традиций, которые вполне могут восходить к «вепсскому» прошлому края. Например, к обычаю «будить», или «поднимать», мертвых в могилах по приходу на кладбище не словом и причетью, а стучанием по кресту костяшками пальцев (варианты: нормативно обязательным прикосновением к кресту, протираaniem таблички с датами жизни, протираaniem фотографии); или ритуальным «раскрыванием» могилы поворотом вниз и влево Г-образной ручки, прибитой к кресту («закрывают» при уходе поворотом вверх и вправо, возвращая ручку в исходное вертикальное положение); или ударами в прибитый к кресту колокольчик. Стучание по гробу вкопанными в могилу жердями от носилок, как это было принято кое-где у вепсов, нами не зафиксиро-

вано. Имеются, правда, случаи использования жерди от погребальных носилок в качестве надгробного знака для детских захоронений (в этом случае «будили» стучанием по жерди). На могилах младенцев встречается ритуальная замена жерди высаживанием в области груди умершего одно-двухлетнего березового деревца. Нерусским, скорее всего карельским элементом погребальной обрядности следует признать случаи развешивания на деревьях у могил полосок белой ткани. Никакими русскими канонами не объяснить также распространенный в Андоме обычай иметь на современных кладбищах внутри семейных оград одну общую для всех, как бы однофамильную, общеродовую надгробную насыпь, не разделенную понижениями грунта на отдельные могилы. В эту насыпь, словно в древний курган, производятся свежие подзахоронения в наше время.

Нами отмечены некоторые особенности в похоронном обряде северной Вытегории, которые из-за недостатка информации пока не могут быть правильно истолкованы: одновременное (в одних и тех же деревнях) чересполосное бытование положения покойных на лавку (вариант: на стол) ногами к иконам, либо же совсем наоборот — ногами к выходу; полное отсутствие ночных бдений у мертвого тела, обязательных у русских, карел и вепсов на всей оставшейся территории Обонежья; нигде, кроме Саминско-Андомского куста деревень, незафиксированный обычай (бытовал здесь в 1970—1980-х гг.) возводить над гробом помост на столбиках или даже грубый ящик-саркофаг с целью не допустить стучания по гробу в момент погребения камнями и комыями мерзлой земли («а то покойник пробудится»). Вероятно, происхождение каждого из этих обычаев должно иметь свой онтологический корень.

В рыболовной и охотничьей лексике русского населения северной Вытегории, как и у русских Заонежья и всего Обонежья, прибалтийско-финские заимствования — явление самое заурядное. Предметы же материальной культуры, которые можно было бы считать заимствованными, встречаются крайне редко. Поэтому как удачу экспедиции стоит расценивать выявление широкого бытования у нынешних охотников северной Вытегории шалаша «вепсского» типа. Шалаш этот, всегда открытый в южную сторону, делается из двуслойной бересты, с односкатной крышей и двумя боковыми стенками. При ночевке напротив открытой стороны охотник сооружает нодью (вепс. *notia*) — костер, который горит всю ночь. Шалаш же при этом служит в качестве экрана, отражающего тепло. Как видим, нодью и тип шалаша русские заимствовали в комплексе от дославянского населения края. Кроме того, местные охотники и сейчас еще делают примитивное, восходящее, наверное, к прото-саамам, сооружение для ночевки в лесу в дождь, которое состоит из трех пластов бересты в рост человека — на нижнем лежат, верхними двумя

укрываются. Жаль, что не удалось выявить его название. Сведений о таком архаическом способе обустройства ночной стоянки в лесу автор не встречал за двадцать лет собирательской работы в Обонежье.

Охотничья и околоохотничья лексика в северной Вытегории, по сведениям нашей экспедиции, включает как минимум следующие вепские заимствования: *пустега* (вепс. *piskega*) — манок из пера на рябчика; *кабу* (вепс. *kabu*) — колышек в насторожке охотничьей ловушки; *карбовина* (вепс. *korb*) — густой темный ельник; *кенда* (вепс. *kenda*) — песчаная дюна с сосняком на берегу Онежского озера; *лаксы* (вепс. *laks*) — маленькие болотины; *легдан*, *легдач* (вепс. *leg*) — нить, веревочка в насторожке охотничьей ловушки; *шорпы*, *двушорпачная* рогатина на медведя (вепс. *šor* — зазубрина); *кердяжный* («темное» слово) — сук в манке на боровую дичь; *кандужка* (саамс. *kandte*) — островок среди болота, здесь — верхняя ветка в насторожке охотничьей ловушки. Последний термин мог перейти в речь саминцев и андомцев через посредство древних вепсов, а не напрямую от саамов.

Рыбацкая и околорыбацкая лексика края включает вепские и карельские заимствования: *шорпы*, *трехшорпачный* крючок (см. выше); *кибрушка* (вепс. *kibrik*) и *торушка* (вепс. *tuturk*) — берестяной поплавок на сети; *салага* (вепс. *salag*) — мелкая рыбешка или уклейка; *торпица* (вепс. *torpa*) — речная форель; *кукша* (из *kupsu*) — орган пищеварения со многими отростками у налима или щуки; *макса* (из *maks*, *maksa*) — рыба печень; *торбать* (карел. *tarbo*) — плюхать по воде, загоняя рыбу в сети; *кубас* (карел. *kubas*) — буюк над поставленной в озере снастью; *ластега* (вепс. *lastikot*) — лучина в рыбацкой плетеной загородке; *сальма* (вепс. *sal'm*) — пролив; *калужины* (от мн. ч. вепс. *kaliized*) — подводные коряги; *луда* (карел. *luodo*) — подводная мель; *ремак* («темное» слово) — нитка для привязывания груза к сети, неводу; *каян* («темное» слово) — лосось с отростком на нижней губе, весом от 8 до 16 килограммов и более. Понятием «ремак» оперируют только андомогорские рыбаки, а словами «луда» и «кубас» — только те, кому доводилось рыбачить на Онежском озере. Не будет ошибкой заявить, что юго-восточное Прионежье (из-за отсутствия в его рыболовной лексике многих карельских заимствований, свойственных рыболовству русских Заонежья и прибрежий северо-восточного и восточного Обонежья до устья Шалы включительно) выглядит как русско-вепсская, а не русско-вепско-карельская зона колонизации.

Нашей экспедиции удалось зафиксировать также сельскохозяйственную лексику вепского происхождения. Это *румега* (вепс. *rumgen*) — половина от обмолота зерновых; *тукач* (вепс. *tukko*) — связка соломы; *кагачи* (вепс. *kagatču*) — связки из ветвей на стогах сена; *соромины* (вепс. *sorad*) — подпорки с развилками на конце для стогов сена; *кокша*

(вепс. *kekksi*) — 1) топор для долбления лодок из осины, 2) деревянный молот или дубинка для разбивания комьев земли на поле, 3) мотыга для рыхления земли или окучивания. Карельскую особенность произношения имело в Андомской Горе название ременного соединения била с рукоятью цепа-приуза. Называли его *путто* — с двумя «т», а не с одним, как принято у русских. Вепско-карельской по происхождению традицией следует считать также бытовавший во всем Обонежье обычай отмечать завершение уборки урожая приготовлением варенных в масле, а не просто жаренных на масле «отжиночных» пирогов.

Нами зафиксированы также вепские заимствования в названиях таких дикорастущих съедобных растений, как *гарма* (молодые проростки полевого хвоща) и *пестух* (молодые проростки папоротника орляка). От вепсов или карел заимствовано было поминальное блюдо *кабуша* (вепс. *капу*), а также название одного из видов овсяных блинов — *тюрзи* (вепс. *kürz*).

Вепские заимствования, нашедшие отражение в музыкальной культуре северной Вытегории, в особенностях церковной и гражданской архитектуры, в специфике внешнего декора изб этого края, изучены подробно музыковедами и архитекторами нашей экспедиции. Дополню их наблюдения лишь следующими соображениями: к разряду вепско-карельских заимствований следует отнести устройство для подвешивания котелка над загнетком в русской печи, известное всему Обонежью без исключения; предположительно к вепсскому — способ устройства на потолке курных изб крышки дымоволока на петлях, а не в съёмном (вместе с шестом-трубником) виде.

Из вепского языка, видимо, происходит такое специфическое местное выражение, как «дом уж *райдован*», то есть уже разрушен. Отмечена особая группа местных слов и выражений, таких, как: *бурандать*, *арандать*, *шабрать*, *шавердать*, *корзать*, которые восходят к вепсскому прошлому Вытегорья, а также заимствованные из карельского: *малтать*, не *малтать* (уметь, не уметь). Вепскими по происхождению являются слова для обозначения некоторых возрастных категорий: дети — *пайгажи*, парни в возрасте ухажеров — *выргасы*. Изредка нами записывались слова древнерусского происхождения, с измененными (словно заимствованными из вепского) окончаниями, например: *черпуга*, *волменчи*. Встречались также выражения типа: «зацепить *фаглин* за *чигень*» (что означает: «набросить чалку на пень или корягу на берегу»), которые автору не удалось этимологизировать.

Как видим, даже беглый предварительный анализ собранных материалов позволяет говорить о том, что наиболее мощным дославянским этническим компонентом в юго-восточном Прионежье был, скорее всего, древневепский.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 273.

² Там же. С. 272.

³ П и м е н о в В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л.: Наука, 1965. С. 50.

⁴ К у з н е ц о в А. В. Вытегорские гидронимы с вепскими основами и русскими переводными формантами // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: ВГПУ, издательство «Русь», 1997. С. 194.

⁵ М о к и н а Г. Г. Вепсы // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1... С. 200.

⁶ Списки населенных мест Олонецкой губернии по данным за 1869 год. СПб., 1873.

⁷ М а м о н т о в а Н. Н. О вепском субстрате в топонимии Заонежья // Проблемы изучения музыкального фольклора русского и финно-угорских народов Карелии и земель Северо-Запада. Петрозаводск, 1974. С. 38.

⁸ М у л л о н е н И. И. Заметки о топонимии Водлозерья // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск, 1995. С. 196.

⁹ Л о г и н о в К. К. Полевые дневники № 1—3 экспедиционной поездки в бывший Андомский район Вологодской области в октябре 1997 года (АКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 492—494).

¹⁰ М о к и н а Г. Г. Неземледельческие занятия крестьян Вытегорского уезда в конце XIX — начале XX века // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1... С. 135—167; М о к и н а Г. Г. Гончарное производство Вытегорского района // Там же. С. 172—185.

¹¹ О з е р е ц к о в с к и й Н. Я. Путешествие академика Озерецковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб., 1812; П о л я к о в И. С. Три путешествия в Олонецкую губернию. Петрозаводск, 1991; Б а р с о в Е. В. Погребальные обычаи на Севере России // Причитания Северного края. Т. 1. М., 1872.

¹² Куржакса Вытегорского уезда. Этнографический очерк // Олонецкие губернские ведомости. 1896. № 60, 61.

